

«Эльвира приехала! Ура!» — вот такой крик с ярко выраженным твердым «л» сопровождал меня три десятилетия, когда я входила во двор на улице Плеханова.

Открывались окна на разных этажах, высывались милые моему сердцу лица, и начиналась моя жизнь в нашем дворе.

Если даже у меня была возможность жить в гостинице, я решительно предпочитала наш двор. В двухкомнатной квартире нас помещалось шестеро. Почему-то казалось, что места хватит всем, что еще кого-то можно пригласить в гости.

Приехать незаметно было невозможно.

— Лена, кто это у вас спит в большой комнате, где все? Не лучше гостю в маленькой? — кричит с балкона Лия. Она и есть главный наблюдатель за всеми событиями двора. Лия учит детей, больных астмой.

Как и во всяком грузинском дворе, у нас живут грузины, курды, армяне, греки, осетины, русские, евреи.

Первой ранним утром покупает мацони Лия. Когда наступают сентябрь, Лия берет лишнюю банку, а вдруг Эльвира нагрелась.

— Послушай, жить так можно? Учитель размышляет, имеет ли он право взять две банки мацони, а что останется на хлеб? Но ты посмотри, Эльвира, в небо. Ты видела в России такое?

Да, видела. И не только это. С земли поднимается огромный размеров плита. Достраивается высоко в небе жилище хозяина воронцовской базары. Барахолки.

Однако Лия внимательно следит за тем, чтобы плита не перекосилась.

— Что подлаешь, — говорит Лия, — он все-таки с нашего двора, хотя и жулик, наверное.

Главный человек в нашем дворе — красавец-курд Алихан. Дворник. Год назад у него умерла жена. Собрались все курды Тбилиси. Два раза в день в течение недели мы ходили всем двором на панихиду.

— Смотри, — говорит Лия, — сейчас веники поднимут на коврах ее тело с криком «дой!» и понесут в катафалк. Какие красивые мальчишки. Как это хорошо, когда ты так уходишь, если уж всем суждено уйти, — и Лия безутешно плачет. Мальчишки выросли в нашем дворе.

Самая красивая душой и телом в нашем дворе Нино. Человек больших и нерализованных талантов. У нее двое детей, Аня и Звиад. 9 апреля 1989 года Аня попала в зону действия российской «черемухи».

Долго лечилась. Сейчас у нее двое детей. Звиад — отменный дудуист. Но не может играть ни на свадьбах, ни на похоронах. Тем более в ресторане. Учился игре у знаменитого армянского Мастера.

— Что подлаешь, Эльвира, — сокрушается Нино. — Вот такого интеллигента воспитала.

Нино пытается вписаться в рыночную экономику. Держит два киоска. Уверовала в Бога в самые трудные для Грузии годы.

— Знаешь, какой самый большой грех? Это самолюбие. Никогда не закрывай рот тому, кто говорит о тебе плохо. А что если устами этого человека Бог что-то хочет сказать тебе...

Нино — природный музыкант и поэт. Пишет стихи. Ах, как печально, что Эльвира не все понимает в стихах, посвященных ей.

Сергей

Самым большим событием во дворе считались наши

походы в дом к Сергею Параджанову. Во дворе, да и во всем Тбилиси, его звали просто Сергей. Вы говорите «Сергей», и всем ясно, о ком идет речь.

К походу готовились тщательно. Снимали украшения. Не ровен час, они фальшивые, и тогда не оберешься насмешек. Определяли цвет одежды и даже прическу.

Сергей обязательно подойдет к Инне, дочери моей подруги, и поднимет волосы. Уши должны быть открыты. Эстетически острый глаз не выносил дисгармонии.

— Вот этот колер оставь, — обращается ко мне Сергей, и я не сразу понимаю, что речь идет о цвете моих волос.

Еду надо было брать такую, чтобы Сергей не заподозрил, что его кормят.

Мои друзья, у которых я жила в Тбилиси, — родственники Параджанова. Причем близкие. Поэтому на улице Котэ Месхи мы тащились всей семьей по горбатым тбилисским улочкам.

Застать Сергея одного невозможно. Баншики, зеленщики, актеры, проститутки, эски, режиссеры — привычный набор гостей.

А потом мы пересказываем всему двору, как Сергей гримировал Эльвиру, ставил ей две глицериновые капли на щеки, затыгивал талию и отпускал на улицу, проинструктировав, с каким выражением лица она должна пройтись.

Засекалось время, когда появлялись первые соблазнитель. Сергей гениально предсказывал все: какая будет первая реакция, каков способ действия и т. д. Режиссура жизни — вот истинный конек Параджанова.

Во дворе Сергея любили. Наш двор и не скрывал гордости, что только в Тбилиси Сергею хорошо.

— А что они могут, эти ереванские ишаки?! Знаешь, что они могут? Кошку красть в тигра, но только никто не боится, — распалилась армянка Тамара.

Нас успевали предупредить: «Если опера работает, Сергей там, а не дома». Что правда, то правда. Параджанов неизменно был там.

— Эльвира, пойдем со мной в оперу. Сегодня Анджапаридзе поет Хозе. Знаешь, почему тебе надо идти со мной? Я знаю, в каком месте надо хлопать. В опере это самое главное.

И я шла с Сергеем в оперу. Предварительно изыскивалась непременно серебряная брошь. Я же вырядилась в черный бархат. Пока мальчишки чистят брошь пеплом от сигарет, Сергей философствует:

— За что люблю Эльвиру? Ей запросто можно всучить узбекскую поделку под старинное грузинское серебро...

И это — истинная правда. — Ой, какой прелестный узор! — вижу я, держа чайную чашку.

— Вот что спасет тебя, Эльвира из Тамбова (Новосибирск он не мог выговорить). — Э. Г.), так это твой безошибочный эстетический вкус. Знаешь, откуда этот рисунок? Он накладывался на плиты, которыми обкладывали сортиры в царских покоях. Какой идиот перенес их на чашки?

...Однажды он разменял сторублевую бумажку, присланную поэтессой Сильвой Капутикиан. Автограф стоял прямо на физиономии Владимира Ильича.

— Знаешь, тамбовская казначейша (это уже сигнал, что у Сергея в голове «Демон» Лермонтова. — Э. Г.), я ввремя вспомнил слова вожда «Искусство принадлежит народу» и пустил купюру в кассу. Пусть она принадлежит всем.

...Накануне Нового года Сергей встречает на базаре известного режиссера. Тот обдирает с виноградной лозы засохшие плоды.

— Нет, ты посмотри на него. Старик хранил лозу до января. Ночами присматривал за ней. Что же ты, такой маститый, редактируешь крестьянский труд.

Через два часа режиссер встретился еще раз с Сергеем все на том же базаре.

— Знаешь, хотел тебе подарить к Новому году хорошего поросенка. И не нашел.

— Зачем хорошего. Подари мне плохого.

Эльвира ГОРЮХИНА

НАШ ДВОР

Перед тем, как сказал брат брату: «Это мое и то мое же», — у нас было много нашего: дворы, кино, язык

Наш дворник Алихан — курд

Выражение лица Сергея резко меняется. Но только на секунду. Мне бывает очень плохо, когда я вижу такого Параджанова, но он не дает себе пожалеть, пускаясь в очередную насмешку над моими многочисленными талантами.

— Хочешь, я покажу тебе коллажное полотно. Тонино Гуэра хочет увезти его в бар Феллини.

Зажигает факел из старых газет, и мы спускаемся этажом ниже. На галерею растянуто немислимой красоты полотно. Не сразу замечаешь части этого зрелища: гвозди, остатки обуви, перья диковинных птиц. Не замечаешь, потому что глаз противится членению праздника.

Я визжу от восторга. Восторг от всего: тбилисская густая ночь, влеющий факел, Сергей, рассказывающий очередную байку, и это полотно, от которого шемит в горле.

— А если его кто украдет? — спохватываюсь я.

— Дура ты, Эльвира. Полная дураха. Кому это надо...

Не успеваю во тьме разглядеть друга Сергея, которого я редко видела, но чувствовала, что именно от такого Параджанова болит сердце не у меня одной.

— Ты посмотри, они говорят, что из искры возгорится пламя. Ни черта оно не горит.

Только тут замечаю, что факел свернут из газет «Правда».

...Двор жлет наших возвращений. Впечатлений хватает до следующего похода.

С годами мне кажется, что именно дом на Котэ Месхи был причиной причин мой

любви к Тбилиси. Впрочем, это тоже был наш двор. Великий двор великого тбилисца.

Когда исчезают привычки

Вот уж чего я никогда не боялась в нашем дворе, так это заболеть.

— Эльвира заболела, — прямо с галереи во двор кричит эстонка Альвина, чьи предки работали садовниками у Набокова-старшего.

На крик из окна третьего этажа соседнего дома появляется фигура Кето Кекелидзе, нашего врача.

наш дух. В течение учебного дня мы обменивались с детьми своеобразными посланиями:

— Шалико, возьми мою ручку, напишешь прекрасную контрольную...

— Русико, я хочу подарить тебе книгу, о которой ты мечтала...

— Да, да, не стесняйся, возьми эту линейку, если она тебе нравится. У меня дома есть точно такая...

— А эта тетрадь, Валико, очень похожа на тебя... Возьми.

И так целый день, целый год, целую жизнь идут посла-

которые содержат эти знаки, есть один: мы были когда-то вместе. Ты и я.

...Элизбар, главный пограничник на заставе, удивлен новым поколением:

— Я пришел и сказал: «Теперь у вас будет свой Павлик Морозов». Так звали новенького, которого я привел... И что? Ты знаешь, никакой реакции. Представь себе, никто не знает, что такой Павлик Морозов. Они скоро не будут знать, кто Абдулла. Как они будут жить... Ничего не знают.

Жагда присвоить себе открытие нашего общего знания порой доходит до абсурда. Командир спецназа рассказывает:

— А вот там был еще один эпизод. Его потом вырезали, но ребята, которые делали этот фильм, рассказали мне. Слушай!

И дальше пересказывает сцену из «Мимино», когда в лифте едут японцы с Кикабидзе и Мкртчяном.

Я и в самом деле начинаю думать, что этого эпизода не видела раньше. Радуюсь каждой строчке, которая мне достается как новая. Новое о старом и любимом. Новое об общем.

...— Ты его растил? Ты его кушать любишь...

О! Это из фильма «Отец солдата». Знаменитая сцена с виноградной лозой и танком.

...Спрашиваю учителя Арамаиса из Нагорного Карабаха, почему его лошадь зовут Абдуллой?

— Как только привел лошадь, все в селе заговорили: «Ой, лошадь, как у Абдуллы!»... Потом постепенно «как» исчезло и осталось одно слово «Абдулла». Фильм перебил жизнь. Подлинное имя не прижилось. Представляешь? Я смирился.

...Нагорный Карабах. Степанакерт. Мой хозяин Завен Восканян. Человек редкой профессии. Он ловильный мастер. Всю жизнь проработал на Каспии. Добывал нефть.

В Степанакерте открыл десятки артезианских колодезь. Чутье у Завена на все, что происходит под нашей матушкой-землей. Не понимает Завен происшедших перемен: кто, за что воевал и почему?

От невозможности ответить на этот вопрос Завен заболевает.

Но однажды в течение четырех дней он был счастлив, как тогда в Баку. Шла «Сибиряда» Андрея Кончаловского.

— Смотри, смотри, Эльвира, как горит нефть. Видишь, этот столб...

...Правильно, все они правильно делают.

Вместе с фильмом он проживал заново свою жизнь. Картина возвращала ему его человеческое и профессиональное достоинство. Вот уж истинно: никогда не угадаешь, как наше слово отзовется.

Итак, по фильмам, как по истории нашей совместной жизни.

... А что если и в самом деле была не просто эпоха, но и великая цивилизация, великая культура, вошедшая в нашу плоть и кровь как часть нас самих себя?

Да, был этот Наш Двор. Он порушен. Но мы-то живы.

Неужели именно это имел в виду учитель истории из села Каринтаг, что в Нагорном Карабахе: «Не переживай, Эльвира, империи и после распада остаются долго жить. Империя живет в языке, одежде, способе думать и даже в обмолвках, которые выдают нашу общность, наш тайный замысел».

Наш двор... Сумеют ли те, кто идет за нами, похвалиться общим знанием, тем самым, на которое так скоро отзывается наше сердце, несмотря ни на какие проведенные границы.

Впрочем, жизнь что-нибудь придумает.

Handwritten notes in blue ink:
Дворник Алихан — курд
1989, 04. 2000